

Александр Ведерников: «Таких опер, как «Война и мир», не писали ни до, ни после нее»

После того как Мстислав Ростропович, по инициативе которого Большой театр согласился ставить «Войну и мир» на Новой сцене, отказался дирижировать спектаклем, выпуск постановки взял на себя Александр Ведерников, музыкальный руководитель и главный дирижер театра. Он давно считает оперное наследие Прокофьева одной из самых интересных для себя областей отечественной театральной музыки XX века. Накануне премьеры Александр Ведерников поделился с корреспондентом «Газеты» Ярославом Седовым своими размышлениями о творчестве автора «Войны и мира», а также о подготовке спектакля.

позитор, Гектор Берлиоз, тоже самобытный — и инструментовка у него мастерская, и мышление его ушло намного вперед по сравнению с современниками. Но он не обладал даром мелодиста, и это делает его музыку не столь популярной при всей ее ценности. А у Прокофьева — гармоничный комплекс качеств и позитивное мироощущение, чрезвычайно редкое. Мало композиторов, способных, как он, писать много хорошей музыки в мажоре, особенно в XX веке.

Прокофьев был последним крупным фортепианным композитором, после него уже никто так успешно для фортепиано не писал. И совершенно уникальная вещь — его инструментовка. Чем больше изучаешь ее, тем больше удивляешься. С какого-то времени он ведь писал не партитуры, а дирекционы (изложение основного мелодического материала на одном нотном стане с указаниями вступлений разных инструментов. — «Газета»), их расшифровывали помощники. Как при этом удавалось достигать такой самобытности оркестрового звучания — будем считать тайной. Это вещь непостижимая. В общем, у Прокофьева искусство очень витальное, в этом — залог его долголетия.

Среди исполнителей на сей раз есть артисты, дебютирующие в Большом, и есть известные певцы, выступающие в новых для себя амплуа.

Я думаю, Паату Бурчуладзе, впервые в своей карьере поющего Кутузова, представлять не надо, это мировая звезда. Я бы выделил работу Бориса Стаценко (Наполеон) — он певец для Большого не новый, долго работал здесь, потом долго не появлялся. Мне кажется, это точное попадание. Очень яркая работа у Романа Муравицкого (Пьер Безухов), мне всегда было жаль, что эта роль в других постановках отходила на второй план. Здесь он выглядит одним из главных персона-

Фото: ИТАР-ТАСС

жей, как это и должно быть. Хорошо оба исполнителя роли Анатоля Курагина, поющие в разных составах. Это и Всеволод Гривнов, и Михаил Губский. Исполнительницы партии Наташи Ростовской, Екатерина Щербаченко и Марина Пахарь, интересны тем, что обладают не каким-то одним качеством, подходящим роли, а комплексом хороших вокальных и сценических данных. Конечно, они очень молоды, им еще предстоит большое творческое развитие. Но они образованны, профессиональны, и хорошо выглядят, что в этой роли немаловажно.

Какие организационные трудности вам пришлось преодолевать, работая над столь «многонаселенным» спектаклем?

Мне лично никаких трудностей преодолевать не пришлось, поскольку я подключился к работе над «Войной и миром» лишь в последние две недели. Жаль, что пришлось перенести премьеру. Пусть всего на три дня, но это противоречит тому, что мы декларируем. Наш принцип — ничего никуда не переносить, а делать так, как было объявлено. А коллективу — да, приходилось ездить репетировать на разные площадки: на «Мосфильм», в Дом звукозаписи. Что поделаешь! Большой театр — организация большая и просто физически не может ужаться до размеров того здания, в котором мы сейчас находимся. Да и творческая деятельность театра не может ограничиваться этой сценой.

Фото: ИТАР-ТАСС

Прокофьев неоднократно дополнял и перерабатывал многие сцены «Войны и мира», в результате существует несколько вариантов партитуры. К какому из них театр обратился в этой постановке?

Когда Мстислав Леопольдович Ростропович собирался ставить этот спектакль, он выбрал вариант, который здесь всегда шел и которым он сам в свое время дирижировал в Большом театре. Я предполагаю, что этот вариант откристиллизовался примерно к 1965 году. А восходит он к тому, когда этой оперой начал заниматься дирижер Александр Мелик-Пашаев. В партитуре, по которой я дирижирую сейчас, есть его пометки, комментарии.

Впечатления цельности композиции в «Войне и мире» добиться трудно, все-таки музыки написано в общей сложности больше, чем на одну оперу. В то же время практика исполнения в два вечера не утвердилась. У нас сейчас первая часть — «мир» — идет почти без сокращений. А вот в «войне» — там в свое время постарались по частям сокращений: и в сцене пожара

Москвы, и в финале, так что вторая часть страдает некоторой мозаичностью.

Если бы я занимался этой постановкой с самого начала, то, возможно, композиция выглядела бы чуть-чуть иначе. Но в то же время, когда я попытался посмотреть на весь этот материал заново, я обратил внимание на крупные достоинства этой оперы, о которых раньше не думал. Здесь у Прокофьева в музыке, в драматургии есть технологии, которые не применялись ни до «Войны и мира», ни после. Некое кинематографическое начало, панорамы, смена планов, огромное количество персонажей, поток событий — это сегодня очень здорово воспринимается. Публика ни в какой момент ни на что не отвлекается.

Именно этим вас притягивает оперное творчество Прокофьева?

Нет, в других его операх свои преимущества, оперы у него разные. А в целом Прокофьев притягивает меня тем, что как композитор он сильно отличается от всех, но эта его самостоятельность не за счет чего-то. Например, другой мой любимый ком-

Фото: ИТАР-ТАСС

Ведерников Александр

12.12.05